

ЭТИКА В СОЦИАЛЬНО-КУЛЬТУРНОМ КОНТЕКСТЕ

Лаптёнок Александр Сергеевич,

доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и методологии науки
Белорусского государственного университета

Аннотация. Характеризуется статус этики на конкретном этапе социального развития. Этика в социокультурном контексте имеет ряд особенностей, которые проявляются в зависимости от ее востребованности на конкретном этапе социального развития.

Ключевые слова: этика, социальная мораль, мораль, социум, практическая философия, теоретическая этика, нормативная этика, прикладная этика.

ETHICS IN A SOCIO-CULTURAL CONTEXT

Laptenok Alexander

Doctor of Philosophy, Head of the Department of Philosophy and Methodology of Science
Belarusian State University

Abstract. The status of ethics at a specific stage of social development is characterized. Ethics in a sociocultural context has a number of features that manifest themselves depending on its relevance at a specific stage of social development.

Keywords: ethics, social morality, morality, society, practical philosophy, theoretical ethics, normative ethics, applied ethics.

Статус этики как философской науки уже со времен Сократа не подвергается сомнению. При этом можно выделить три ключевые традиции в интерпретации предмета этики. Две из них опираются на длительную традицию.

Первая традиция трактует этику как практическую философию, задачей которой является рациональное обоснование определенной системы ценностей, опираясь на которую индивид ориентируется в неоднозначном, противоречивом мире добра и зла, добродетелей и пороков, справедливости и несправедливости, что позволяет ему осуществлять осознанный выбор. Моральное бытие человека предполагает обретение смыслов на протяжении всей жизни на основе духовно-практического освоения мира. Мораль – сфера самоопределения личности в условиях свободы совершения выбора. Именно

в этой традиции наиболее четко проявляются коннотации этики с социокультурным контекстом.

Частично процесс выработки разнообразных нормативно-этических систем можно представить как обобщение нравственного опыта предшествующих поколений, либо опыта актуального в конкретной культуре. И здесь, начиная со знаменитых изречений семи античных мудрецов, вырабатывается рецептурное знание, рекомендуемое индивиду конкретные образцы должного выбора в тех или иных обстоятельствах. По сути, это нравоучение, основанное на коллективной мудрости народа, либо на авторитете конкретного учителя. К такому роду морализаций можно отнести большинство религий.

Другая линия формирования морально-этических программ опирается на представления о должном, идеальном образе поступка. Достаточно часто сфера морального долженствования весьма далека от реальной практики человеческих отношений и предлагает недостижимый идеальный образ человека и его действий. Источником такого своеобразного «морального эскапизма» может быть отрицание несправедливости в этом беспокойном противоречивом мире, либо неверие в моральные возможности реального человека, которому невозможно вверить всю красоту идеала в силу того, что он погряз во лжи и многообразных пороках.

Неслучайно то, что представители этического знания сконцентрировали свое внимание на формулировку и обоснование различных нормативных систем, являющихся предпочтительными по сравнению с другими (по разным основаниям). Не обязательно эти системы были жесткими альтернативами предшествующим, во многом они были взаимодополняющими. По сути, речь идет не о противоположности, а, скорее, об их совместимости, когда доминирующая ценность одной системы приводит не к уничтожению аналогичной ценности другой, а к философскому, или общекультурному дискурсу. Более того, можно отметить даже взаимозависимость некоторых нормативных систем от других. В частности, это касается, например, этики эвдемонизма (которая нуждается в конкретизации категории счастья), этики блага (соответственно, возможно разное понимание категории блага) и некоторых других.

Во всяком случае (помимо слишком уж одиозных) все они оказывались социально приемлемыми, а, по сути, предлагали субъекту разные варианты выбора из совокупности выработанных в этическом знании и культурном опыте определенных паттернов поведения. С одной стороны, это было следствием понимания этики как практической философии, как той сферы

знания, которая, собственно, и направлена на теоретическое обоснование системы должного поведения. И необходимо отметить, что на протяжении более чем двухтысячелетнего развития этики были разработаны вполне репрезентативные образцы моральных систем, не потерявших своего актуального значения до сегодняшнего дня. С другой стороны, это привело к тому, что этика ценности начинает абсолютно доминировать над этикой факта: практически все «нормативные» философы констатировали несовершенство, по разным основаниям, наличествующего человека и предлагали пути его усовершенствования. В зависимости от мировоззренческой составляющей содержания учения, меры предлагаются разные: от воздействия на человеческую «природу» до «приобщения» к конкретной нормативной программе с целью приведения поведения индивида в соответствие с предлагаемыми моделями.

Историческое бытие этики в социокультурном контексте свидетельствует о том, что моральный пафос множества теорий нередко использовался для решения социальных задач, стоящих в конкретный период развития общества. Практически вся история человечества свидетельствует о разделении на «своих» и «чужих». Не всегда оно обретает характер антагонистического противостояния. Это может быть связано с необходимостью идентификации индивида по тем или иным признакам. Неважно даже по каким основаниям производится такое разделение: политическим, религиозным, национальным, возрастным и т.п. Вся проблема заключается в том, что когда политическая, национальная или любая иная цель признается высшей, она же становится основным критерием морали. Такого рода приоритеты обосновываются интересами тех или иных социальных групп. Соответственно, оправдывается любой поступок, задачей которого является реализация этой высшей цели. Соответственно, происходит редукция морали к приоритетным неморальным целям. Сила (понимаемая не только метафорически, но и как реальная сила насильственного воздействия на индивида) такого рода моральных систем заключается в признании единственно возможного варианта ответа на все многообразные экзистенциальные проблемы человека.

Такая редукция морали связывается с жестко телеологическим представлением об определении смысловых ориентиров человека, основных параметров его бытия, что не дает возможности защиты иных принципов. Единая идея (например, политическая – строительства коммунизма, национальная – приоритет своей нации, религиозная – построение «царства Божия» на земле и пр.) тотальна для человека.

Инакомыслие, если не преследуется, то в любом случае, не приветствуется. Соответственно, формируется элитарное сообщество (партия, национальная элита, церковь и пр.), которое и формулирует обоснование ведущей идеи и показывает пути ее реализации. То есть складывается система господства меньшинства над большинством. И, наконец, если цели определены, то необходимо делать все для того, чтобы она воплотилась в жизнь. Но если большинство не может самостоятельно и организованно идти к этой цели по причине неприятия или даже непонимания ее, то остается единственно возможный путь – насилие по отношению к такому большинству. История подтверждает, что апология насилия составляет одну из существенных сторон телеологической идеологии. Отсюда и крестовые походы, миссионерство, которое не везде носило мирный характер, отсюда печи Освенцима в подтверждение идеи превосходства одной нации, отсюда гулаговские лагеря и т.д. К сожалению, количество такого рода примеров безгранично. Таким образом, нравственный изъян такого рода «приобщения» к конкретной нормативной моральной системе, признаваемой в качестве единственной, состоит в оправдании применения насилия по отношению к индивиду. По сути, в таком случае выхолащивается роль и сущностные признаки самой морали. Ведь именно в возможности ненасильственного личностного выбора мораль и реализуется.

Если бы пришлось выбирать, что лучше: принужденная моральность или свободный выбор человека (понятно не только добра, но и зла), то многие сошлись бы в том мнении, что лучше уж отсутствие свободы, только бы везде был порядок. Даже если предположить противоположную картину принужденной моральности, основанной на позитивной принудительности, то и в этом случае невозможна однозначная оценка. Главным в такой принудительности является то, что поступок человека лишается морального достоинства. Стремление сделать всех моральными принудительными средствами приводит к противоположному результату – исчезновению самой морали как самоценного феномена человеческой жизни.

По сути, в рамках техногенного общества мораль, несмотря на ее отдельные проявления, и в особенности на подвижничество нравственных гениев, в целом направлена на выполнение социального заказа. В этом статусе ее назначение трансформируется, во-первых, как необходимость обоснования преимуществ культивируемых в конкретном социуме моральных ценностей и норм, а во-вторых, как моральное оправдание деяний людей во имя приоритетной цели.

Если в традиционном обществе упор делается на социальной морали, то общество модерна постулирует приоритет ценности личности. Индивидуальная мораль основывается на выборе приемлемых для социума нормативно-этических программ.

Вторая традиция в развитии этического знания определяется феноменом теоретического объяснения морали. Как правило, это связано с разработкой идеальных теоретических моделей морали, смысл которых состоит в раскрытии ее сущностных характеристик и выявлении специфики проявлений в бытии человека.

Хотя этика как философская наука и элемент мировоззрения, несомненно, включена в конкретно-историческую культуру (что наиболее четко проявляется в рамках первой выделенной традиции), тем не менее, она далеко не всегда напрямую отвечает на актуальные потребности общества. Умозрительная этика воздействует опосредованно на какие-то сегменты общественного сознания.

Если ведущие представители первой выделенной традиции были те, кого А.А. Гусейнов назвал великими пророками и моралистами, одним из этических аргументов которых выступала их собственная жизнь, а в ряде случаев смерть (Сократ, Сенека), то для философов второй традиции по причине отсутствия или минимизации нормативной составляющей их учения, вопрос о личностной позиции, единстве слова и дела, в принципе не представляется существенным. Напротив, основываясь на идеалы и нормы обоснования классического типа научной рациональности, субъект элиминировался в соответствии с задачей показать мораль как она есть, во всей ее чистоте, выявить ее специфику по сравнению с другими формами культуры. Этика Аристотеля, И. Канта, Г-В-Ф. Гегеля, Д. Юма, Б. Спинозы, К. Маркса и др. была направлена на обоснование самой морали, определения ее структуры и функций. Появляются целые направления, декларировавшие отказ от нормативности этики (неокантианство, эволюционная, аналитическая, феноменологическая этика, постмодернизм и др.). Цели формулировались разные: от обоснования метаэтики, изучения языка морали, выявления связи морали с универсальным эволюционным процессом и т.п. Общим будет, пожалуй, стремление очистить мораль от метафизики, ценностного содержания и, особо, от репрессивного образа морали, основанной на абстрактных принципах.

Востребованность этического знания может связываться также с решением актуальных проблем социального развития и научного прогресса. В рамках этической науки возникает проблематика, приобретающая все

большую значимость с углублением противоречий взаимодействия человека и природы, биомедицинских вопросов и т.д. Пожалуй, учитывая масштаб и значимость в современных социокультурных обстоятельствах, появление и развитие прикладной этики можно трактовать как *третью ведущую традицию*. Прикладная этика предлагает свои ответы на моральные проблемы, возникающие в различных социальных сферах и в профессиональной деятельности. С середины XX века активно развиваются такие разделы прикладной этики, как политическая этика, этика бизнеса, этика науки, биомедицинская этика, информационная этика, этика новейших технологий и др. Как правило, потребность в разрешении этических дилемм возникает в условиях неопределенных последствий и возрастания масштабов ответственности в профессиональной деятельности. Нередко пограничный статус проблем не дает возможности выработки однозначных решений и рекомендаций, поэтому значительная их часть приобретает открытый характер. Наиболее отчетливо это проявляется в биомедицинской этике, по ряду вопросов которой нет однозначных решений и обосновываются иногда взаимоисключающие мнения. Например, проблемы эвтаназии, клонирования, трансплантологии и т.д.

Важно отметить, что специфика прикладной этики определяется, во-первых, связью с общественными запросами в отношении ряда профессий и поэтому имеет четко выраженный практико-ориентированный характер, а, во-вторых, она реализуется на стыке специальных отраслей знания, которые включают этику в качестве элемента своей структуры: биомедицинская этика – часть биологии и медицины, этика хозяйствования – экономической науки, политическая этика – политологии и т.п.

Таким образом, этика в социокультурном контексте имеет ряд особенностей, которые проявляются в зависимости от ее востребованности на конкретном этапе социального развития.